

Энтони Барнетт
(р. 1942) – британский журналист, политический активист. В 2001 году стал одним из сооснователей медиаплатформы «openDemocracy».

Год назад, в начале 2022-го, среди центристов и левых во всем мире царилло чувство тревоги, если не откровенное уныние.

Трамп все еще бушевал, и перспективы грядущих промежуточных выборов в американский Конгресс внушали ужас. Массовая поддержка президента Бразилии Жаира Болсонару грозила привести к его переизбранию и уничтожению лесов Амазонии с необратимыми последствиями для планеты. Си Цзиньпин, на волне успеха своей авторитарной политики «нулевой терпимости к коронавирусу», был на пути к бессрочному правлению в Китае, в то время как уйгуры и Гонконг были раздавлены; а вышедшая из ЕС Великобритания буксовала под началом премьер-министра Бориса Джонсона, олицетворяющего вопиющую коррумпированность и ложь. Вдобавок ко всему Россия стягивала силы на границу с Украиной, что, по мнению мировой общественности, должно было – как бы шокирующе это ни звучало – привести к свержению правительства в Киеве.

Вместо этого результаты промежуточных выборов оказались исключительно позитивными для демократов; Лула выиграл президентскую гонку в Бразилии; Си Цзиньпин был вынужден

1 Перевод выполнен с любезного разрешения автора и редакции «Byline Supplement» по: BARNETT A. *The Year of the Definite Left: How Progressives Can Defeat the Right in 2023* // Byline Supplement. 2022. December 28 (www.bylinesupplement.com/p/the-year-of-the-definite-left-how). Мы сохранили подход издания – публиковать текст без академических библиографических сносок. – *Примеч. ред.*

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

пойти на уступки из-за протестующих, вынесших уроки как из российских протестов с чистыми листами бумаги, так и из призывов «быть как вода», звучавших во время гонконгской «революции зонтиков»; Борис Джонсон сложил полномочия, хотя его влияние ощущается до сих пор. Путин, понеся чувствительный военный урон, силится не растерять свой «кредит доверия» в жестокой, но безнадежной борьбе. Не менее поразительно и то, что в Иране молодое поколение сменило ленинские лозунги про «Хлеб, землю и мир» на курдское «Женщина, жизнь, свобода».

Все это, однако, принесло лишь чувство облегчения. Среди прогрессистов на смену унынию не пришел оптимизм – что логично, поскольку левые по сей день ничуть не ближе к победе, чем центристы к восстановлению того *status quo*, что царил до финансового кризиса 2008 года.

Тем не менее глубинные перемены, обладающие энергией и потенциалом, уже начались.

Благодаря этим переменам текущая ситуация носит напряженный характер – в разных странах и в разных проявлениях. Хотя правых и ультраправых пока не удалось оттеснить, их натиск удалось сдержать – главным образом в Соединенных Штатах.

Я хотел бы рассмотреть происходящее там как некий шаблон для развития событий во всем мире.

Ни Байден – с его рекордно низкими рейтингами популярности, – ни некогда привлекательная идеология социализма не могли стать помехой для республиканцев на прошедших промежуточных выборах. А что же тогда? Из наиболее известных комментаторов только Майкл Мур – кинорежиссер из Мичигана – был уверен в положительном исходе для демократов. Кинокритики очень часто подмечают то, что скрыто от большинства из нас – рядовых наблюдателей. Составляя ежегодный список лучших фильмов, Ричард Броуди из журнала «The New Yorker» отметил, что выдающиеся режиссеры уже много лет затрагивают в своем творчестве проблемы «возрождения открыто антидемократических сил и откровенно ненавистнических идеологий, кризиса нелегитимного правления, угрозы авторитаризма и потенциального окончательного захирения даже нынешней чахлой американской демократии». Но лишь сейчас, в 2022 году, произошел «сдвиг кинематографической парадигмы» – такой сдвиг, который сигнализирует о появлении «неких новых и знаменательных веяний».

Где же искать эти новые и знаменательные веяния? В среде левых.

С момента становления трампизма и сопутствующей трансформации всей Республиканской партии потенциал ультрапра-

вых был неоспорим. Они стратегически последовательны, получают мощное финансирование, умеют создать себе выгодный имидж в глазах народа, располагают поддержкой церкви, привлекают сторонников с помощью ложных идей о расовом или религиозном превосходстве, прибегают к фальсификациям и имеют надежную опору в СМИ (прежде всего принадлежащих Руперту Мёрдоку).

Их влияние укрепили финансовый кризис и кризис легитимности, постигший финансовую элиту, слабость либерального центра, разгром профсоюзов, маргинализация идей социализма и десятилетия неолиберализма, эффективно внушившие населению, особенно менее обеспеченным его слоям, что его голос на выборах ничего не решает.

Наконец – и для ультраправых это по-прежнему решающий фактор, – Трамп перечеркнул тот фатализм, на котором держалось господство рынка, и заручился поддержкой избирателей. И сделал он это, предложив вернуть страну к величию путем своекорыстного, антиэлитарного национализма.

Учитывая все это, трампизм должен был восторжествовать. Как же тогда выходит, что оппозиция может тягаться с ним даже в рамках коррумпированной американской системы? Если политика в США – и не только там – балансирует на острие ножа, то чем объяснить равноценное сопротивление, способное нейтрализовать влияние оголтелых правых?

Ответ заключается в том, что появился новый тип прогрессивной силы, который развился в реальную политическую идеологию, ныне выражаемую настоящими политиками, которые на местных и национальной аренах сталкиваются лицом к лицу с кандидатами и членами Палаты представителей правых и центристских взглядов.

У этой идеологии есть три определяющих аспекта.

Во-первых, она направлена на то, чтобы уполномочить избирателей управлять собственной жизнью, насколько это возможно. Как и авторитарный популизм, она презирует поклонение политическим, религиозным и финансовым элитам послевоенного периода. Она истинно демократична и связана с новыми формами делиберативного представительства и конституционных изменений.

Во-вторых, она стремится взять под контроль капитализм – прежде всего, чтобы спасти планету от климатической и экологической катастрофы; стремится обратить вспять имущественное неравенство и положить конец коррупции, особенно коррупции в политике, а также утвердить человеческие ценности, которые не диктовались бы рынком. Благодаря этому ее отличает восприятие общества-в-целом как сущности, состоящей из взаимосвязанных элементов.

В-третьих, она ратует за культуру личного опыта, равно как и за культуру расширения прав и возможностей. Политика всегда связана с чувствами людей. Будь то либеральный патриотизм или ксенофобский национализм, политика всегда обращается к эмоциям людей по поводу того, кто они такие – а в своих авторитарных проявлениях этими эмоциями манипулирует. Эта новая идеология поистине инклюзивна: она научилась у феминизма необходимости противостоять дискриминации по признаку идентичности – в особенности расовой дискриминации, – и она категорически терпима к праву каждого на выражение собственной идентичности, рассматривая совместный опыт личной трансформации как часть реальных изменений.

ЭНТОНИ БАРНЕТТ
ГОД ДЕФИНИТИВНЫХ
ЛЕВЫХ

Новая идеология поистине инклюзивна: она научилась у феминизма необходимости противостоять дискриминации по признаку идентичности, и она категорически терпима к праву каждого на выражение собственной идентичности, рассматривая совместный опыт личной трансформации как часть реальных изменений.

Поскольку новой идеологии нужно название, я буду опираться на три ее наиболее важные особенности: она истинно демократична, она опирается на **феминизм**, но не как на женское движение, а как на кроссгендерную, антимачистскую форму политики, и она **имеет** место в действительности. Что ж, предлагаю, по крайней мере пока, называть ее «**дефинитивной**», а ее носителей – «дефинитивными левыми»².

Зародившись не так давно, феномен этот, неокрепший и уязвимый, находится на стадии протоплазмы. Он может не выжить. Я хочу зафиксировать и отметить его возникновение. С этой целью я для начала перечислю некоторых дефинитивных левых политиков, затем обрисую глубинные процессы нашего времени, которые создали условия для их существования, и предположу, как так случилось, что представители дефинитивных левых появились в коридорах власти. После этого я расскажу о противниках дефинитивных левых, которые сопротивляются укреплению их позиций.

2 В оригинале термин «дефинитивные левые» звучит как *definite Left*; в переводе с английского *definite* буквально означает «определенный». Такие варианты перевода, как «определенные» или «несомненные левые», лучше отражают значение термина, однако выбор пал на менее благозвучный для русского уха, зато максимально близкий к оригиналу вариант «дефинитивные», так как автор изначально составил его, сложив фрагменты нескольких слов. – *Примеч. перев.*

Политики

Одна из причин, по которой я выбрал термин «дефинитивные левые», по крайней мере в качестве рабочего названия, заключается в том, насколько неопределенным с точки зрения традиционной идеологической структуры кажется явление, которое он описывает. Оно не соответствует никаким общепринятым установкам и включает фигуры, которые конфликтуют и конкурируют между собой.

Особую природу этого феномена трудно было разглядеть в том числе из-за того, как определяет сам себя политик, наиболее ответственный за его становление в качестве влиятельной политической силы в США – баллотировавшийся на пост президента Берни Сандерс. Президент Байден – центрист, который понял, что к чему, и объединился с Сандерсом после выдвижения своей кандидатуры в 2020 году, – открыто поблагодарил *Берни* за агитацию избирателей в свою пользу.

Сандерс – социалист. На деле это не означает, что он против капитализма. Он говорил: «Я не считаю, что государство должно владеть средствами производства, но я верю, что средний класс и рабочие семьи, которые производят богатство Америки, заслуживают справедливого отношения». Он называет себя «демократическим социалистом» и объясняет, что это значит: он хочет возвращения к политике Нового курса президента Франклина Делано Рузвельта, известного тем, что «приветствовал ненависть» банкиров.

На фоне последствий коллапса 2008 года, когда Уолл-стрит была спасена, а более десяти миллионов семей лишились права выкупа своего залогового жилья, призывы Сандерса к справедливости нашли отклик у поколения людей, возмущенных перспективой продолжения этого курса. Сандерс привлек к своей кампании значительную часть огромного экологического движения США и движения «Black Lives Matter», помогая связать воедино растущее интерсекциональное сознание, чтобы бросить вызов коррумпированной природе американской политики.

Немалая доля СМИ, освещающих в США деятельность политиков левого толка, изображает их взгляды в карикатурном виде: как неадекватный, беспардонный экстремизм, которому не место в серьезных практических вопросах. На деле же феномен дефинитивных левых строится на реальном жизненном опыте и зависит от уровня доверия к продвигаемому ими курсу.

Летом 2022 года газета «Byline Times» опубликовала статьи Катрины ван ден Хювел, Ларри Коэна и Роберта Боросейджа о трех политиках из Палаты представителей США, которых я сегодня отнес бы к дефинитивным левым. Это Джейми Раскин,

возглавивший сторону обвинения в процессе второго импичмента Дональда Трампа; Ро Ханна, который был одним из руководителей предвыборного штаба Берни Сандерса; Прамила Джайпал, председатель Форума прогрессивных конгрессменов, состоящего из ста человек. Все они были избраны в Конгресс в 2016 году.

В традиционном понимании они не похожи. Ханна называет себя «прогрессивным капиталистом» и апеллирует к разработанному Амартией Сеном и Мартой Нуссбаум подходу, основанному на возможностях (*capability approach*). Раскин, описывая себя, говорит, что находится в «моральном центре». Джайпал видит необходимость в «новом определении политики индивидуума и сообщества».

Еще один пример – сенатор-демократ Элизабет Уоррен, которая не поддерживала Сандерса. Сразу же после успеха на промежуточных выборах она опубликовала в «The New York Times» язвительный выпад в сторону демократов–«пособников лоббизма», препятствующих изменениям, которых хотят избиратели.

«Американцы понимают, что экономическое благополучие семей неразрывно связано с демократией и правами личности, даже если многие телекомментаторы этого не понимают. Большинство американцев знают, что право на аборт – это насущный вопрос, который напрямую влияет на здравоохранение и экономическую безопасность, а не какой-то пустяк. Американцы понимают, что цены растут в числе прочего из-за жадности корпораций, и хотят, чтобы правительство было на стороне народа. Полученные во вторник результаты – тому подтверждение».

Здесь проступает определяющая характеристика дефинитивных левых: их приверженность той «неразрывной» двойной спирали, что связывает углубление демократических процессов с социальными и экономическими улучшениями.

Право женщины на выбор здесь символично. Это не стандартный вопрос социального обеспечения, где от государства требуется заботиться о нуждающихся. Но это и не либертарианский капиталистический призыв предоставить каждой женщине право купить аборт, если она того пожелает. На первый план здесь выходит необходимость дать женщине возможность выбирать, будет ли она создавать или расширять семью. Это социальный призыв к расширению прав и возможностей личности и вопрос личной ответственности для всех – и для бедных, и для богатых.

В то время как 73-летняя Уоррен, избранная в Сенат в 2013 году, старается избегать каких-либо ярлыков, 33-летняя Александра Окасио-Кортес, избранная в Палату представителей

в 2018-м, является социалисткой и сторонницей Сандерса, она мастерски орудует социальными сетями, имея более 13 миллионов подписчиков в *Twitter* (до покупки его Илоном Маском). До своего избрания на пост Уоррен преподавала право в университете, а Окасио-Кортес работала баристой. Вместе они демонстрируют качества и способности дефинитивных левых. Однако и те, кто занимает посты на уровне городов и штатов по всей стране, не менее важны, чем политики из Вашингтона, поскольку лишь с их помощью этот новый и знаменательный феномен сможет уверенно продолжать свое развитие.

Истоки

Набирающая силу с конца 1970-х волна неолиберализма сокрушила традиционных левых социал-демократов и обеспечила полное, на первый взгляд, господство рыночных ценностей. Но, копнув поглубже, можно обнаружить и иные течения – отчасти порожденные чрезвычайным повышением уровня жизни на фоне глобального экономического роста, – которые сопротивляются тотальной маркетизации.

Важнейшие из них – это феминизм с его огромным вкладом в борьбу за равенство в общем смысле и против женоненавистничества и патриархата, а также движение в защиту окружающей среды, проповедующее необходимость контролировать потребление и мыслить целостно. Антирасизм и движение за права человека занимают отдельную нишу, но их призывы к справедливости и расширению прав и возможностей подкрепляют общий посыл и являются важной частью единого процесса.

Все это можно расценивать как стремление к гуманизации общества, которое должно прийти на смену бесчеловечности рыночных императивов. Я попытался проанализировать этот процесс в своей книге «Taking Control! Humanity and America after Trump and the Pandemic» («Взять в свои руки! Человечество и Америка после Трампа и пандемии») (London: Repeater, 2022). Один из важных аргументов состоит в том, что нарастающее нежелание подчиняться диктату рынка подпитывается беспрецедентным экономическим ростом – который, в числе прочего, изменил наше отношение к собственному телу как с точки зрения физической формы, так и с точки зрения наших ожиданий от системы здравоохранения.

Кроме того, эти изменения можно увидеть и через призму классового деления. В США профсоюзы рабочих были уничтожены деиндустриализацией. В недавнем докладе корпорации «RAND» подсчитано, что, хотя с 1945-го по 1975 год доходы

граждан в США росли относительно равномерно, с тех пор ни много ни мало как 47 триллионов долларов перекачвали из карманов беднейших 90% населения к богатейшему 1% их соотечественников. Большую часть этого периода у власти находились демократы, поддерживающие интересы корпораций. Дефинитивные левые хотят вернуть награбленное народу – не из соображений классово-вражды, а во имя общей человечности и справедливости. В своих ключевых требованиях они стремятся к справедливости и такому устройству экономики, которое расширило бы права и возможности людей: у всех должен быть доступ к трудоустройству, а минимальная заработная плата должна покрывать прожиточный минимум; плюс, что ничуть не менее важно, у всех без исключения должен быть доступ к медицинскому обслуживанию, высшему образованию и соцобеспечению для детей.

Появление интернета и цифровых коммуникаций усилило двустороннее влияние современного капитализма: породило корпоративных гигантов, обеспечивающих наблюдение и контроль, и параллельно создало условия для невысказанной ранее самоорганизации общества и коллективного действия.

Как явствует из прокатившихся по планете выступлений под лозунгами *#MeToo*, «Black Lives Matter» и недавнего «Женщина, жизнь, свобода», которые разлетелись на мемы в социальных сетях, сопротивление финансовой глобализации требует от нас способности брать на себя ответственность за собственную жизнь.

Появление интернета и цифровых коммуникаций усилило двустороннее влияние современного капитализма: породило корпоративных гигантов, обеспечивающих наблюдение и контроль, и параллельно создало условия для невысказанной ранее самоорганизации общества и коллективного действия.

Со времен появления влиятельных неправительственных организаций в 1970-х мы повидали немало политических инициатив, которые прагматично подходят к системным изменениям, бросают вызов капитализму там, где он препятствует устойчивому развитию, соблюдению прав человека и достоинства личности, но при этом не призывают свергнуть капитализм.

Некоторые возникшие течения были поглощены традиционными политическими партиями – где пыл их плюралистического и бунтарского радикализма основательно поумерили.

ЭНТОНИ БАРНЕТТ
ГОД ДЕФИНИТИВНЫХ
ЛЕВЫХ

Партии зеленых десятилетиями стремились выработать подход, который не был бы традиционно левым или правым, но, за важным исключением Германии, так и остались не у дел.

В США толковые и влиятельные политики подобных взглядов избираются в значительном количестве лишь с 2016 года, и только с 2020-го они участвуют в законотворчестве в составе парламентского большинства. Именно это – успешное участие в процессах выработки политического курса и его реализации – отличает дефинитивных левых от их предшественников.

Промежуточные выборы 2022 года также показывают, что дефинитивные левые, хоть и имеют за плечами многолетний опыт политических кампаний, сейчас выступают свежим игроком, который внушает доверие и способен склонить чашу весов в демократической и законной борьбе за власть.

ВЫЗОВЫ НА ПУТИ ДЕФИНИТИВНЫХ ЛЕВЫХ

1. Традиционные социалисты

Покойный Реймонд Уильямс, определявший себя как «валлийского европейца», утверждал: чтобы писать о культуре общества в целом, необходимо различать четыре ее аспекта – культуру возникающую, доминирующую, остаточную и архаичную. Архаичная культура – это попросту безжизненные формы выражения, принадлежащие предшествующей эпохе. Но остальные три аспекта, подчеркивал Уильямс, активно формируют общество. Остаточные веяния, наряду со вновь возникающими, могут накладывать определенный отпечаток на художественное мышление в обществе, тогда как наибольший эффект производят доминирующие тенденции.

Этот подход позволяет пролить свет на устройство любого общества – особенно претерпевающего изменения. Сегодня мы наблюдаем, что во всем мире некогда доминировавшие институты утратили свое влияние – нередко из-за нападков со стороны правых. Но сохранение этих институтов лежало в основе консерватизма. Радикализм, если понимать оный как стремление к переменам, стал неизбежен. За то, чтобы двигаться в сторону справедливости, равенства и инклюзивности, выступают левые.

Среди левых есть также и более старая традиция, уходящая корнями в строго организованные движения социалистов и социал-демократов. Ее остаточное присутствие все еще не утратило влияния. Давление, возникающее на этой почве, можно увидеть в состоящем из двух частей интервью о промежуточных выборах, которое Александрия Окасио-Кортес дала но-

востному проекту «The Intercept». Озаглавлено оно так: «Совершить ошибку – не значит продаться». Со свойственной ей прямоотой Окасио-Кортес делает два заслуживающих внимания высказывания. Во-первых, она хвалит президента Байдена за его незамедлительный комментарий о том, что промежуточные выборы увенчались успехом благодаря молодежи и женщинам – тем самым приветствуя фактический союз Байдена с дефинитивными левыми. Во-вторых, она описывает, как в штате Нью-Йорк закосневший аппарат Демократической партии, отвергая любой подобный союз, не стал обращаться к ней и таким, как она. Это послужило причиной политической демобилизации молодых избирателей по всему штату и привело к тому, что республиканцы отбили три места в Палате представителей – колоссальный момент, учитывая их незначительный в итоге перевес в нижней палате Конгресса.

Однако главным образом это интервью, как можно понять из заголовка, ставит под сомнение радикализм самой Окасио-Кортес. Не продана ли она, раз вовремя не поддержала местную забастовку? Ее ответ бьет в самую точку: «Все дело во взаимоотношениях между левыми – не так ли?». Отчасти это отсылка к проблемам Демократических социалистов Америки – организации, к которой принадлежит сама Окасио-Кортес. В ее рядах есть те, кто надменно противопоставляет себя – демократических социалистов – рядовым прогрессивным либералам. По сути, они утверждают, что настоящими демократами являются только те социалисты, которые представляют наемных работников. Прогрессисты – полезные союзники против правых, но как простые либералы они тем не менее классовые враги.

Сама Окасио-Кортес стремится балансировать на обеих сторонах этого разлома. Веб-сайт ее кампании встречает нас агитацией за «Новый зеленый курс». В соседнем разделе, если пролистать его практически до самого конца, можно обнаружить заголовок «Что такое демократический социализм?» – без каких-либо иллюстраций. Вот ее ответ:

«В столь одержимой моралью богатой стране, как Америка, ни один человек не должен быть слишком бедным, чтобы просто жить. Демократический социализм стремится к тому, чтобы работники получали достаточную долю того богатства, которое они создают. Речь идет не о смене системы власти, а о том, какое влияние имеют работники на деятельность предприятий, чье функционирование они обеспечивают. Речь здесь идет о достоинстве».

Это призыв к гуманизации, а не к классовой войне – призыв, против которого Уоррен, Ханна, Джайпал и Раскин вряд ли стали бы возражать. Безусловно, они прогрессисты. Также они

демократы. Те, кто не провозгласил верность идеям социализма, могут быть при этом полностью на стороне народа.

Марксистская традиция, связанная с русской революцией 1917 года, стала остаточным явлением – что иллюстрирует эссе, опубликованное в феврале 2022-го в журнале «Якобинец» его учредителем Бхаскаром Сункарой. В 2014-м он говорил, что умрет счастливым, «если в США появится оппозиционное течение, хотя бы в 5–7% общей массы, которое будет относить себя к социалистам». Сегодня Форум прогрессивных конгрессменов насчитывает сто человек и включает в себя «Отряд», куда входят Александрия Окасио-Кортес, Аянна Прессли из Массачусетса, Ильхан Омар из Миннесоты и Рашида Тлаиб из Мичигана, избранные в Палату представителей в 2018 году; в 2020-м к ним присоединились Кори Буш из Миссури и Джамаал Боуман из Нью-Йорка. Тем временем «Новый зеленый курс» существует как серьезная политическая инициатива и пользуется широкой поддержкой. Мало кто мог представить такое восемь лет назад. Тем не менее Сункара, который мыслит исключительно ясно, отсылает читателя к поэме Данте, говоря о том, что социализм «застрял» в фантомной зоне бескрайнего «чистилища».

Как следствие мы имеем обиженных на весь свет и уверенных в своей правоте крайне левых, которые хотят контролировать всех вокруг и готовы обвинять в предательстве ближайших к себе представителей дефинитивных левых – таких, как Окасио-Кортес. Эти заявления восходят к периоду «холодной войны» и к логике, согласно которой Вашингтон – при любых обстоятельствах – враг «номер один». Будем надеяться, что такой подход окончательно превратится из остаточного в архаичный.

2. Корпоративные центристы

Наиболее влиятельные противники дефинитивных левых – это центристы, жаждущие возвращения патерналистского правления во имя идеалов прагматизма и умеренности. Они по-прежнему доминируют, но могут чувствовать усиливающееся давление со стороны дефинитивных левых.

Их первая линия обороны состоит в том, чтобы изображать всех «леваков» карикатурными фанатиками, призывающими «сократить финансирование полиции». Что примечательно, при этом им нечего ответить на аргументы о детском соцобеспечении, доступе к высшему образованию, оправданной враждебности по отношению к власти корпораций и о настоятельной необходимости положить конец предвыборным махинациям и вытеснить «грязные деньги» из политики.

Вдобавок они не хотят даже признать существования дефинитивных левых. Например, обозреватель «The New York Times» Росс Даутхат рассматривает результаты промежуточных выборов как возвращение к глубинной нормальности. Его коллега Дэвид Брукс тоже делает вывод, что политика возвращается к своей «дефолтной» инертности, заявляет, что на промежуточных выборах «победила скука», и пишет, что Байден «отверг показной популизм, но взял на вооружение некоторые прогрессивные идеи».

Байден взял на вооружение – пусть и частично – не «прогрессивные идеи», а призыв дефинитивных левых заниматься политикой по-другому: покончить с коррупцией, расширить права избирателей и создать более справедливую экономику.

Основной опорой некогда господствовавшей политики эпохи маркетизации была деполитизация избирателей. Индивидуальное потребление стимулировалось, а коллективные действия не поощрялись. Но теперь ультраправые мобилизовали своих сторонников, сделав их политически активными. Без равноценного ответа центристам конец. Чтобы привлечь избирателей, они вынуждены обращаться к дефинитивным левым, поскольку у них общий враг в лице авторитаризма. Именно об этом говорила Окасио-Кортес, упрекая нью-йоркских демократов. Именно об этом говорил Байден, когда благодарил *Берни*. Явка избирателей в 2020 году наглядно продемонстрировала, как необходимо действовать. Трамп получил на пять миллионов голосов больше, чем любой предыдущий кандидат в президенты. Но Байден получил еще на семь миллионов больше, чем Трамп. И даже при этом всем – из-за антидемократического характера коллегии выборщиков – Байден едва едва проскочил.

Любой союз либерального центра с дефинитивными левыми должен быть чем-то большим, чем просто «взятием на вооружение некоторых прогрессивных идей». Либо вы придерживаетесь политики дефинитивных левых, которая обеспечивает явку избирателей, либо трампизм возобладает. Появление таких кандидатов, как новоизбранный сенатор от штата Пенсильвания Джон Феттерман, говорит о том, что центр может быть способен на такую трансформацию.

В недавнем опросе на предмет разочарования избирателей в электоральной политике по всей Европе, проведенном с упором на Италию, специальный корреспондент «openDemocracy» Адам Рамзи демонстрирует, как это разочарование, порожденное рыночной политикой, играет на руку крайне правым. Если есть одна отличительная черта дефинитивных левых, которая отличает их от самоуспокоенных центристов, так это их стремление сделать политику осязаемой в попытках добиться по-

зитивных изменений и воплотить в жизнь демократию. Скука проигрывает.

3. Суверенитет и глобализм

Первые два вызова на пути возникающего течения дефинитивных левых не новы. В двух словах: первый более идеологичен. Его причина – взгляды некоторых социалистов, считающих себя – из-за своего классового сознания – «стражами тотальности изменений» и источником истинной демократии. Второй вызов – это центристы, представляющие интересы институтов и корпораций, в том числе медиакорпораций, считающие себя законопослушными «стражами разумного». Находясь соответственно снаружи и внутри устоявшегося порядка вещей, они одинаково опасаются народной воли.

Третий вызов – новый и масштабный. Текущая трансформация природы власти, вызванная современным производством, потреблением и процессами в сфере финансов, имеет глобальный охват и меняет суть суверенитета как явления.

Трансформация природы власти, вызванная современным производством, потреблением и процессами в сфере финансов, имеет глобальный охват и меняет суть суверенитета как явления.

Одним из аспектов данного процесса можно назвать то, что контроль товаров и услуг, которые мы потребляем, включая продукты питания, лекарства, химикаты, авиаперелеты, интернет и финансы, неизбежно является международным и нередко имеет дело, помимо собственно товаров и услуг, с токсичными выбросами и воздействием производств на окружающую среду. Регламентирование становится четвертой ветвью власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной, и его необходимо сделать демократически подотчетным, чтобы оно стало приемлемым для населения.

В то же время для эгалитарной и устойчивой экономической политики необходим если не протекционизм, то как минимум предоставление преференций отечественному производству и бизнесу. Отсюда вытекает потребность в формировании нового типа прогрессивного национализма в разгар эпохи глобализации. В Европе до сих пор мало кто осознает, как США используют ресурсы, чтобы управлять рынком. В то время как, например, конференция прогрессивных экономис-

тов, прошедшая в Великобритании в июне 2022 года, называла себя «фестивалем будущего», форум на тему прогрессивной промышленной политики, организованный в Вашингтоне Институтом Рузвельта четыре месяца спустя, был посвящен широкой оценке настоящего. Тодд Такер из Института Рузвельта отметил, что при Байдене новый политический курс начал отходить от неолиберализма и «получил целый ряд имен – таких, как “либерализм, который строит” (Эзра Кляйн, “The New York Times”) и “современная американская промышленная стратегия” (Брайан Диз, Национальный экономический совет)». Диз, который приложил руку к этой инициативе, помог достичь впечатляющих результатов. Их Такер резюмирует следующим образом:

«Опыт, накопленный за десятилетия работы, охватившие движение за глобальную справедливость, акцию “Захвати Уолл-Стрит” и “Новый зеленый курс”, позволил в последние 20 месяцев добиться ряда крупных побед в области зеленой промышленной политики: в рамках Закона о снижении инфляции 369 миллиардов долларов заложены на экологически чистую энергию и 250 миллиардов долларов на займы. Полупроводниковая промышленность получит 50 миллиардов долларов субсидий, а 170 миллиардов долларов будет выделено на передовые исследования в рамках Закона о чипах и науке. Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места предполагает выделение 550 миллиардов долларов из бюджета. Нельзя не отметить и действия исполнительной власти – такие, как анализ состояния цепочек поставок и задействование Закона об оборонном производстве с целью максимизировать отечественную выработку экологически чистой энергии. Форум Института Рузвельта о прогрессивной промышленной политике дает нам возможность чуть отстраниться от этой головокружительной череды политических побед и поразмыслить над извлеченными уроками. Со своей позиции директора по промышленной политике и торговле я могу выделить пять основных моментов:

- Сегодня все вопросы сводятся к климату.
- Правила нужно переписывать – и внутри страны, и на международном уровне.
- Справедливость – это не вопрос второстепенной важности; она занимает центральное место во всей политике.
- Политические решения должны укреплять систему власти.
- Либерализм должен снова научиться строить».

Это отражает только одну часть программы дефинитивных левых. Когда экономисты хотят переписать правила, они порой могут переоценить, в какой мере эти правила являются вопросом экономики. Неолиберализм был также и политикой – политикой лишения народа политической воли. В 2007-м, когда неолиберализм был на самом пике, один из его ведущих архитекторов Алан Гринспен на вопрос, как он будет голосовать

ЭНТОНИ БАРНЕТТ
ГОД ДЕФИНИТИВНЫХ
ЛЕВЫХ

на выборах 2008 года, ответил, что, к счастью, «это практически не имеет значения», потому что «политические процессы в США в значительной степени были заменены глобальными рыночными силами». Он одобрял отчуждение избирателей от политики.

Когда после катастрофических последствий финансового кризиса Трамп вдохнул в политику новую жизнь, он предложил избирателям способ ощутить себя причастными к политическому процессу – способ, знакомый и испытанный: через осознание себя как особой, великой нации; через оптику господства и подчинения; апеллируя к враждебности, суля величие и призывая объединиться против Другого.

Демократия должна быть национальной. Нынешние попытки прогрессивных экономистов написать такие правила, которые расшатали бы текущую модель глобализации, обусловлены этим. Однако наша политика также должна быть глобальной, чтобы обеспечить устойчивость климата. Если мы хотим справиться с этим вызовом и выжить в XXI веке, то и либералы, и левые должны будут внести вклад в создание новых форм народной власти, при которых суверенитет перестанет быть чем-то исключительным, а станет общим и значимым для всех.

НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

Несмотря на то, что дефинитивные левые приобрели политическое влияние именно в Америках – Северной и Южной, – ключевое для них стремление к гуманизации ощущается повсюду: от Украины до Бразилии, от улиц Тегерана до кухонь Пекина. Но все же они остаются в значительной степени на обочинах режима. На моей собственной родине, в Великобритании, нельзя просто проголосовать за отмену Брекзита, как голосовали за импичмент Трампа; при этом лейбористская оппозиция отнюдь не стремится по примеру Байдена инициировать союз с интеллектуально раскрепощенными дефинитивными левыми, а делает все, чтобы зацементировать свое бессилие и вернуть страну к блэризму³.

Тем временем в США как дефинитивные левые, так и некоторые центристы учатся быть практичными, расово инклюзивными и экологичными, внедрять ценности феминизма, расширять права и возможности избирателей, выстраивая демократическую политику, которая стремится взять под контроль капитализм.

3 Блэризм – идеология и практика «нового лейборизма», курса, который проводил премьер-министр Великобритании Тони Блэр (1997–2007). Представляет собой «гуманизованную», «умеренную» версию неолиберализма, которая противоречит левым традициям Лейбористской партии. – *Примеч. перев.*

Я утверждаю это вовсе не из оптимизма. Прогресс – не товар, который можно просто взять с полки и «заиметь». Идет затяжная борьба, в которой ультраправые вполне могут победить и уж точно не сдадутся легко – что демонстрирует текущая ситуация в России.

Но есть веские причины не поддаваться пессимизму. Если бы нынешняя поляризация сводилась лишь к вопросам экономической несправедливости и демократических прав, прогрессивные силы уже были бы отброшены назад или вовсе уничтожены. Но серьезнейшая проблема чрезвычайной климатической ситуации требует новых политических императивов, которые не могут работать в условиях маркетизации. Сегодня действует новый императив, который опирается на науку и технику, он исходит из ситуации экономического и демократического кризиса. Чтобы отреагировать на него, представителям властных структур – административных, финансовых и экономических, которые хотят жить в законопослушном, относительно открытом мире, – придется изменить свой подход к управлению, ориентируясь на активную демократию.

В 2003 году огромное число людей во всем мире вышло на улицы, чтобы предотвратить решение, которое готовили правящие элиты в Вашингтоне и Лондоне при поддержке своих СМИ и спецслужб. Вторжение в Ирак остановить не удалось. Это было столь же твердолобое решение, как и политика президента Путина в отношении Украины. До того момента протестующие объединялись против уже творившегося в мире беспредела. Теперь же впервые в истории люди вышли на улицы, потому что они оказались менее жадными, чем правящая элита, более мудрыми и дальновидными в суждениях об инициативе, которую этой элите еще только предстояло одобрить. Абсолютный политический провал военной интервенции в Ираке лишь подтвердил их правоту. Либеральному центру с тех пор так и не удалось восстановить свою репутацию.

Сегодня мы столкнулись с гораздо более серьезным вызовом, потому что очередная война накладывается на экономический и климатический кризисы и пандемию коронавируса. Только разумные, коллективные действия помогут их преодолеть – что потребует как «мудрости улиц», так и толковых шагов от властей. Наш подход к государственному управлению должен измениться. Настало время дефинитивных левых.

Перевод с английского Марии Ермаковой

